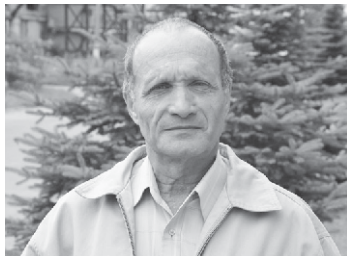

Владимир Натансон: Тонкие материи

О национальном, национальностях, национальных отношениях, конечно же, нужно писать – это часть жизни, хотим мы того

или не хотим. Нужно ли писать об этом стихи? А почему бы нет: в стихах тонкие материи лучше воспринимаются. Но такой трагический опыт этих отношений накоплен в памяти российских народов, что любое прикосновение к теме вызывает у многих насторожённость. Андрей Расторгуев вынес национальную окраску своей книги прямо на обложку: «Русские истории». И это наводит на разные мысли.

«Всегда на распутье...»

Обложка призвана привлекать читателей. Каких? Очевидно, такая обложка заинтересует русских. Русских много, больше всех, так что это название можно считать оправданным авторским приёмом. Но у любого удачного приёма есть оборотная сторона – я, например, прошёл мимо этой книги. А когда мне всё же случилось её открыть, сделал это насторожён. И насторожённость подтвердилась на самой первой странице, даже раньше выходных данных: там автор поместил стихотворение, которое должно задавать тон всей книге. И в этом стихотворении сказано:

*Россия всегда на любовь отвечает любовью,
да жаль – за ветрами
не каждому слышен ответ...*

Красивые строчки, можно на эпитафии разбирать. Только неправда. С заледенелых казахских полустанков, из-за черты оседлости – выселенные и загнанные люди не слышали уверений о братстве народов, и ветры там были ни при чём. Получалось, что это не моя книга, я её закрыл.

Но всегда ведь интересно, как думают те, кто думает иначе. Во второй раз я просто пропустил про неслышную братскую любовь, стал читать дальше. Почти сразу, в первом же абзаце авторского предисловия – очередной вздор из области национальных отношений: «...составляя рукопись, сам удивился, сколько в ней оказалось инородцев: армяне, финно-угры, евреи, немцы, даже персы – правда, тысячелетней давности...»

На самом деле ни один из перечисленных народов, кроме евреев, по законам Российской империи инородцами не назывался. Зря он людей обидел...

Ну что теперь, опять книгу закрывать? Я уже три страницы перевернул.

Не знаю, сам ли автор компоновал сборник, но поместить стихотворение «Русская карта» первым – это удачно, через него галопом не перескочишь, не один раз вернёшься. И каждый раз будут проявляться новые оттенки авторского видения своей громадной нескладной страны. Стихотворение написано в неожиданных, грубоватых параллелях (Россия – брюхатая кобыла, муравей тащит на запад брюшко Сибири), но при этом оно явно, хотя без напора, доносит беспокойство за судьбу Родины. И никаких сомнений – искренне. Хотя бы потому, что Расторгуев не предлагает никакой собственной версии этой судьбы. Он честно признаётся – неведомо ему, да, наверное, и никому не ведомо, слишком необъятно. Впрочем, это уже за стихом, само домыслилось.

Читаю дальше, и снова есть о чём думать. Вот «Русская карта» – поэтический анализ истории огромной смутной страны на беспокойном материке. А вот «Тридцать шесть и семь» – незатейливая семейная история. Почему они рядом? Может потому, что там и там смысл полнее слов, их нужно раздвигать, всматриваться в глубину неявного замысла.

Я попробовал и не пожалел – всплывает ощущение сопереживания. Человек, который может так думать, становится ближе, ведь я сам так думаю.

Время от времени вспоминалось неудачное первое знакомство со сборником, и я вни-

мательно приглядывался к местам, где автор касается национальных отношений. А он делает это настойчиво, раз за разом, видимо, хотел выразить свою оценку, созрела она в нём.

Так вот, оказалось, даже на мой предвзятый взгляд, что в остальных случаях делал он это честно и порядочно. И поэтично:

*...Икона, звезда или птица
на месте почётном –
нанёсшая и залечившая множество ран,
Россия всегда на распутье
меж белым и чёрным,
от моря до моря бездонный сама океан...*

Что тут возразишь? Да, Россия страшно ранила, но она и защищала страшной ценой, и вечно мучилась сама, всегда на распутье. Тут я помирился с Андреем Расторгуевым, и просто стал читать стихи.

Страна и люди

Кажется, что это недостаток: любое стихотворение в сборнике раскрывает уже знакомую тему, то, о чём в России часто размышляют. Не тропит автор неведомых путей. Даже о космосе – только вскользь. Но стоит над этим помыслить, понимаешь: пусть ты обдумал это ещё раньше него, но ты для себя обдумал, а он – для всех. И ещё тебе место показал, где задуматься поглубже. Каждый сам решает, думать над стихами, или просто рифмам порадоваться. И для таких сборник – тоже приятное чтение. Но вообще-то эти стихи предлагают размышлять.

Вот автор раз за разом упоминает о значимости места, где живёшь, к примеру, в первом разделе поэмы «Тридцать шесть и семь». Оно начинается вопросом, где родина важнее: там, где родился, или где возмужал? И, пытаясь определиться, автор проходит ступенька за ступенькой через обрывочно связанные в памяти воспоминания. А они у него непохожие, как деревянные ступени на крутой тропке к дому в старом уральском городке.

О родителях, которым недодал тепла, о Пушкине, которому было только тридцать семь, о страшном тридцать седьмом годе, о дальних неродных местах, где его привечали как родного – через всё это приходит к друго-

му вроде бы вопросу, а на деле всё к тому же: что такое родина? И в конце этой тропки находится ответ:

*...И единая нам основа
на грядущие времена –
коль не воинство Пугачева,
так Отечественная война...*

Вот тут уж с ним не поспоришь – на том все стоим.

И другие стихи, на самые разные темы, тоже оказались созвучны моим собственным раздумьям. Ну вот как, например, это получается, что исконные наши ремёсла, родственные коренным уральским стихиям – металлу и камню, не находят больше места в жизни? И автор становится ближе оттого, что не лукавит, не предлагает решений, а просто огорчается, как и я этому огорчаюсь. Как в «Балладе о каслинском литье»:

*...Но, скрывшаяся в облаке,
годами напролёт
Россия в прежнем облике
не занимает публики,
себя не узнаёт...*

Или жутковатая в бытовой обыденности жертвенность Богородицы, близкая, я думаю, любой женщине:

*Но пока не отрешу
на дорогу лютую,
дай согрею, отдохну
ножку необутую...*

Или редкая в сборнике (молод ещё автор?) мысль о преемственности поколений, выраженная и с сомнением, ведомым многим пожившим людям, и с надеждой:

*...Когда минуют нынешние дни
и потемнеют свежие иконы,
кто станет здесь, едва уйдут они,
часы читать и отбивать поклоны?
Но и в далёкой снежной полосе
людей и лет, к молению несклонных,
не все заледенели и не все
сгорели в бронетанковых колоннах...*

А вот вполне зрелые рассуждения мужчины, успевшего и пережить горькие разочарования, и осознать их. Я точно знаю, это так и есть, как он пишет, я-то постарше буду, душа уже «умная»:

*...Ах, как молодая голова
верила, что Родина права –*

.....

*Но когда пластмассовой трубой
дуют про отчизну вперёбой,
умная душа не шелохнётся...
Что ни имена и времена –
остаётся родина одна.
Только ей и верить остаётся.*

А вот и нелёгкое прозрение наперёд, горько, да верно, такое время выпало:

*...Если мимолётные года
смогут раны те зарубечить –
сыщется у времени всегда,
чем людское сердце освежить...*

И такая глубокая здесь мысль, что человеческое сердце освежается лишь страданием, не своим только, но и состраданием к чужим ранам, и что страдание найдется всегда и каждому – удивительно, как удалось эти потаённые мысли положить перед людьми так просто.

Но, пожалуй, центральная, объединяющая тема сборника – размышления о месте Родины в мире и человека в родине. И тут автору удаются замечательные строки, жаль, что музыки никто не написал:

*Каждый крест поодиночке нёс,
на покосе-пахоте хлестался.
А когда затеяли колхоз,
мужики вошли, а он – остался...*

*Командир сказал: не отходить –
и тотчас навек отвоевался.
Помирать решили погодить.
Мужики ушли, а он – остался.*

*Собственно, и всё. А мог бы жить,
подписать на старости налечник.
Но такой упёртый был мужик –
до корней волос единоличник.*

Тут даже слово Родина не написано, но это про нее – такие люди, такая страна.

По чувствам

Всё ли хорошо в сборнике? Да нет, конечно, даже если не вспоминать «национальных» зацепок, стихи тоже не равнозначны. Но во все плохих не встретилось, написано добротно, профессионально, и от души, так я это почувствовал. Мне гораздо важнее, однако, что из этого благополучного уровня посверкивают удивительные удачи, кое-что я здесь процитировал, но книгу нужно читать насквозь. Страницу за страницей, и почти всё пристально. А вот это я прямо сюда положу, не могу удержаться:

*Стрижи, как будто хлопья сажки,
и хлопья сажки, как стрижи,
почти неразлично схоже
закладывают виражи.*

*Кругом подвох, везде обманка –
ни в чём незыблемости нет:
едва уверился – на свет
уже является изнанка...*

*Но с приближением концовки
припоминается и то,
как мама зимнее пальто
сдавала для перелицовки...*

Кто берётся писать про чужую книгу, должен дать ей оценку. В моем случае это сделать легко: сборник Андрея Расторгуева – хорошая книга. Такие стихи интересно читать, и каждый может найти в них глубину себе по чувствам.

А что касается национальной окраски... Кто знает, может, встретимся когда-то с автором, обсудим на кухне. Интересный разговор.